

ВАЛОВА Ольга Михайловна

[НАЗАД, К АНТИЧНОСТИ, ИЛИ ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ЭПОХИ FIN DE SI?CLE ОТ ОСКАРА УАЙЛЬДА](#)

Конец XIX века характеризуется как декадентская эпоха, которую связывали с упадком, вырождением, что, по мнению Уайльда и Ницше, определяется ориентацией на материальные ценности, опорой на рассудочные решения. Одним из признаков декаданса Уайльд и Ницше считали нигилизм. Во взглядах английского писателя очевидны параллели с идеями стоиков, которые предлагали путь самосовершенствования, следования божественной воле. В первой трагедии "Вера, или Нигилисты" Уайльд связывает преодоление нигилистических устремлений с гуманистическими ценностями, в последней, "Саломее", - говорит о невозможности продолжения жизни без опоры на мудрость древней философии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-1/5.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. I. С. 29-33. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Абакова Т. Н.** Дисфемизмы и эвфемизмы как способ языкового воплощения стратегии дискредитации в текстах политической сферы (на материале англоязычной прессы) [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2013. № 3. URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/1773-дисфемизмы-и-эвфемизмы-как-способ-язы-2.html> (дата обращения: 04.07.2014).
2. **Иссерс О. С.** Паша-«Мерседес», или речевая стратегия дискредитации [Электронный ресурс] // Вестник Омского университета. 1997. № 2. URL: <http://www.omsu.omskreg.ru/vestnik/articles/y1997-i2/a051/article.html> (дата обращения: 04.07.2014).
3. **Карякин А. В.** Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2009. № 2. С. 163-167.
4. **Лисихина М. А.** Опыт типологии макро-речевых актов дискредитации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 8. С. 219-225.
5. **Паршина О. Н.** Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дисс. ... д. филол. н. Саратов, 2005. 325 с.
6. **Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В.** Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: Флинта: Наука, 2011. 160 с.
7. **Руженцева Н. Б.** Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. 294 с.
8. **Семёнов Д. И., Шушарина Г. А.** Сетевой троллинг как вид коммуникативной деятельности // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 8. С. 135-136.
9. **Сивораक्षा М. А.** Дискредитация как разновидность конфликтного общения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 44. С. 452-457.
10. **Хабекирова З. С.** Стратегия дискредитации и приёмы её реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2011. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-diskreditatsii-i-priemy-ee-realizatsii-v-politicheskom-diskurse-demokraticheskoj-oppozitsii> (дата обращения: 04.07.2014).

ANALYSIS OF COMMUNICATIVE STRATEGY OF DISCREDIT IN LINGUISTIC EXPERTISE
(BY THE EXAMPLE OF INTERNET-COMMENTARY)

Bondarenko Elena Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Academy of State Fire Service of the Russian Emergencies Ministry
naturphilosophy@yandex.ru

The article is devoted to the specifics of analyzing a communicative strategy of discredit in linguistic expertise in the lawsuits on the honour and dignity protection. Application of communicative tactics within the framework of the mentioned strategy is investigated for the first time by the example of Internet-commentary. The author justifies the necessity for such analysis by the difficulties while identifying the forms of expressing the negative information under linguistic expertise. The special attention is paid to evaluative statements which are used for creating a negative image of an incompetent doctor.

Key words and phrases: communicative strategy of discredit; network discourse; analysis; communicative tactics; linguistic expertise; Internet-commentary.

УДК 821.111.-49”

Филологические науки

Конец XIX века характеризуется как декадентская эпоха, которую связывали с упадком, вырождением, что, по мнению Уайльда и Ницше, определяется ориентацией на материальные ценности, опорой на рассудочные решения. Одним из признаков декаданса Уайльд и Ницше считали нигилизм. Во взглядах английского писателя очевидны параллели с идеями стоиков, которые предлагали путь самосовершенствования, следования божественной воле. В первой трагедии «Вера, или Нигилисты» Уайльд связывает преодоление нигилистических устремлений с гуманистическими ценностями, в последней, «Саломее», – говорит о невозможности продолжения жизни без опоры на мудрость древней философии.

Ключевые слова и фразы: декаданс; нигилизм; Ницше; стоики; философия нереального.

Валова Ольга Михайловна, к. филол. н., доцент
Вятский государственный гуманитарный университет
olymihalna@yandex.ru

НАЗАД, К АНТИЧНОСТИ, ИЛИ ЛЕКАРСТВО
ДЛЯ ЭПОХИ *FIN DE SIÈCLE* ОТ ОСКАРА УАЙЛЬДА ©

Культуру конца XIX века невозможно представить без фигуры английского писателя Оскара Уайльда (1854-1900). Многим он запомнился как непревзойденный остроумец, эстет, эпатажирующий публику своими

костюмами, или восхитительный рассказчик. Но одновременно он был и глубоким мыслителем, точно подмечавшим закономерности своей эпохи и предвидевшим ее перспективы.

На рубеже XIX-XX вв. набирают популярность философские воззрения, в которых преобладает мысль об алогичности, иррациональности устройства человеческого общества и мира в целом. Представление о разумности основ жизни отходит на второй план или вовсе опровергается европейскими и русскими мыслителями, часто в довольно резкой форме. Лев Шестов, например, заявлял, что «порядок, о котором мечтают философы, существует только в классных комнатах, что твердая почва рано или поздно уходит из-под ног человека, и что после того человек все-таки продолжает жить без почвы или с вечно колеблющейся под ногами почвой, и что тогда он перестает считать аксиомы научного познания истинами, не требующими доказательств, что он перестает их считать истинами и называет ложью» [12, с. 45]. Налицо не только переоценка ценностей, речь идет о полной утрате доверия прежним догматам, вследствие чего закономерно появление эсхатологических и ностальгических настроений, ощущения опустошенности, неуверенности, тоски – всего того, что названо декадансом.

Знаковыми фигурами декадентской культуры становятся Уайльд и немецкий философ Фридрих Ницше. Беспорны параллели, которые можно провести между многими положениями, ими разработанными. Сходство в восприятии обоими мыслителями проблем индивидуализма, самопожертвования, искусства, морали современного общества и проч. отмечали уже современники.

Ницше видел в декадансе главную тенденцию, основное настроение эпохи и отмечал, прежде всего, болезненность в различных проявлениях, порочность и бесплодие современной действительности. Проблема декаданса, по мнению К. Н. Савельева, в ницшеанском понимании восходит к историческому противопоставлению дионисийского и аполлонического начал в искусстве. В концепции Ницше «аполлоническая» система норм, связанная, прежде всего, с ориентацией на материальные ценности, вырождением, расчетливостью, пришла в противоречие с «дионисийским», по сути, содержанием жизни [5, с. 50]. Появление декаданса, считает Ницше, закономерно и необходимо, поскольку в любом процессе есть свое восхождение и падение: «Сам декаданс не есть что-то, с чем нужно бороться: он абсолютно необходим и присущ всякому народу и всякой эпохе» [3, с. 53]. Ницше замечал лишь, что не следует допускать эту заразу в здоровые части организма.

Распространенными типами декаданса Ницше называл христианство, как случай ошибки инстинкта; утрату силы сопротивления раздражениям; невнимание к декадансу как физиологическому феномену; предпочтении бессознательных состояний сознательным. Следствиями декаданса становятся скепсис, порча нравов, социальный вопрос, болезни нравов и нигилизм. Нигилизм, по Ницше, это радикальное отклонение ценности, смысла, желательности, он становится характернейшей чертой декадентской эпохи, он не столько является самостоятельной проблемой, сколько симптомом *fin de siècle* (конца века).

По выражению Ницше, декаданс – «отклонение человечества от своих коренных инстинктов» («Я учу говорить —*нет*» всему, что ослабляет, что истощает. Я учу говорить —*да*» всему, что усиливает, что накапливает силы, что оправдывает чувство силы) [Там же, с. 61]), то есть отказ от стремления к «власти», углубление в мир «небытия». Отечественному философу Н. Бердяеву принадлежит близкое к ницшеанскому определение декаданса, которое он дает в работе «Духовный кризис интеллигенции»: «Декадентство есть отражение иллюзорности бытия. В нем есть тоска по бытию, но нет подлинного бытия» [1, с. 17]. Трагедией декадентства Бердяев, как и Ницше, считал «крайний антиреализм» и общий отрыв от реальности. Для Уайльда же культура *fin de siècle* с ее атмосферой «усталости, безнадежности, имморализма, неврастения, утонченного распада, зачарованности болезнью и смертью» [11], напротив, представлялась привлекательной: «Все, что известно под этим названием (*fin de siècle*), – говорил Уайльд в письме издателю Леопольду Макси (1894), – вызывает у меня особое восхищение и любовь. Это цвет и краса нашей цивилизации, единственное, что ограждает мир от пошлости, грубости, дикости» [10, с. 121].

На наш взгляд, именно «потеря ощущения и сознания реальностей» [1, с. 17] (Бердяев), восприятие жизни как «причины зла» (Ницше) была так близка английскому драматургу. Подлинным декадансом и трагедией современности Уайльд считает победу Жизни над Искусством («This is the true decadence, and it is from this that we are now suffering» [14, p. 929] / «Вот это и есть истинное декадентство, то, от которого мы сейчас страдаем» [9, т. 2, с. 228]). В пьесах «Вера, или Нигилисты», «Саломея» Уайльд показал трагедию действительности, в которой властвует разумно-рассудочное человеческое начало, трагедию общества, лишённого доверия, души, веры.

Первая пьеса представляет современные Уайльду проблемы причин становления и развития нигилизма, кризиса веры, изменения ценностных ориентиров, перерождения нигилизма в терроризм. Действие трагедии «Вера, или Нигилисты» (1880) связано с деятельностью организации заговорщиков, целью которых является убийство царя Ивана. Нигилисты обрисованы писателем весьма негативно, за внешней страстностью порывов к прогрессивным преобразованиям в стране – безмыслие, бесчувствие, шаблонность мышления, нежелание мирного решения конфликтов, готовность к постоянной кровопролитной войне, склонность к террору, пессимизм. В пьесе заговорщики постоянно произносят слова клятвы, смысл ее в том, что для более эффективной работы следует отречься от человеческих стремлений, нужно «терпеть, уничтожать, мстить» [7, с. 303].

Уайльд и Ницше показывают парадоксальность взаимодействия нигилистов и власти в том, что мораль уже не является регулятором их действий, а посему между заговорщиками и правящими кругами принципиальной разницы нет. Так, немецкому философу нигилизм виделся «как симптом того, что неудачникам нет больше утешения, что они уничтожают, чтобы быть уничтоженными, что они, оторвавшись от морали,

не имеют больше оснований — «коряться своей судьбе», что они становятся на почву противоположного принципа и со своей стороны также хотят власти, принуждая властвующих быть их палачами» [3, с. 64].

Нигилизм логично вытекает из переоценки христианства, причиной которой становится насквозь фальшивая мораль, философ считает, что всякая исключительно моральная система ценностей неизбежно приводит к тотальному отрицанию. Причинами нигилизма Ницше также называет отсутствие по-настоящему сильной, мощной личности, которая «поддерживала бы в человечестве веру в человека» [Там же, с. 46], и непомерное преувеличение обществом своих потребностей до размеров ценностей. В целом Ницше считает нигилизм, как и декаданс, закономерным, естественным явлением, которое становится результатом процессов, происходивших в течение веков, начиная со времен Сократа и Платона.

Позиции Уайльда и Ницше в отношении нигилизма имеют множество точек соприкосновения в вопросах причин и закономерностей этого явления. Вообще, на рубеже XIX–XX вв. уайльдовское и ницшеанское представление действительности часто оценивалась негативно, в их высказываниях виделись приметы явного разрушения мира, теряющего положительные ориентиры. Уайльд и Ницше как будто подталкивали общество к бездне, тогда как оно уже давно стояло на ее краю.

С течением времени в трудах Уайльда и Ницше критики стали усматривать не столько имморализм, сколько субъективную, но во многом справедливую, оценку закономерностей существования человека и общества. Так, Дж. Слоун в статье «Ницше и Уайльд» [15] пишет об отрицании обоими мыслителями стандартизированной морали общества конца XIX века, осуждении лицемерия многих нравственных оценок, самообмана, корысти современной морали. Оба мыслителя, каждый по-своему, выступили против вульгарности, посредственности, подделки в современном мире, они попытались взорвать современную культуру стандартов шокирующими идеями и острыми афоризмами.

При значительном сходстве взглядов отличие Уайльда – в обращении к гуманистическим ценностям, которые помогут преодолеть жестокость, расчет, пессимизм, зло нигилизма. Вся жизнь государства представляется абсурдной игрой, когда в ней отсутствует нравственная идея. В пьесе и заговорщики, и официальное руководство объединены писателем емким словом «nihilists» и противопоставлены всему, что он подразумевает под словом «vega»: доверию, любви, высоким нравственным ценностям, которые только и могут спасти рассудочный бездуховный мир [2].

Уайльд начинает задумываться о проблеме перспектив современной цивилизации еще в юности, и взор его обращается к античной культуре. О влиянии на него идей Платона, Аристотеля и их воплощении в произведениях английского писателя сказано довольно много; в его работах есть упоминания Ксенофана, Геродота, Цицерона, Секста Эмпирика, Лонгина, Плутарха, Тацита и др. Увлечению античностью прежде всего способствовали Дж. П. Махаффи и Р. Й. Тиррел, преподаватели дублинского Тринити-колледжа. В апреле 1877 года Уайльд совершил путешествие в Грецию и Рим, одним из его спутников был Махаффи. Греция была более интересной для Махаффи, что отразилось и на взглядах Уайльда, в его ранних записях мы обнаруживаем явное предпочтение греческой культуры римской, основанной на рационализме. Греция в процессе своего становления «стала воплощением индивидуализма, Рим же – гражданственности», – говорил Уайльд [8, с. 495]. Рассудочность римского общества сказалась в различных областях, например, писатель считает, что не искусство, а право стало «областью творчества римского народа» [Там же, с. 501], «литературу импортируют из-за моря как необходимый предмет роскоши», а «первым приобщением к философии стал плоский рационализм Евгемера» [Там же, с. 496]. Что же касается религии, то в ней, «как в зеркале, отразились четыре великих качества римлянина: позитивизм, патриотизм, домовитость, уважение к закону» [Там же, с. 504]. Эти высказывания Уайльда, взятые из его Оксфордских тетрадей, относятся к раннему периоду творчества, но с течением времени его взгляды на противопоставление греческой и римской культур принципиально не изменились, а нашли новое воплощение в художественных текстах, в том числе в последней и самой известной трагедии – «Саломее» (1892).

О римлянах при первом появлении Саломея говорит с ненавистью. «Чтобы узнать возраст и вкус вина, никто не станет выпивать весь бочонок. В полчаса можно безошибочно установить, стоит книга чего-нибудь или нет» [9, т. 2, с. 279], – писал Уайльд в трактате «Критик как художник», драматург, таким образом, без лишних комментариев дает представление о сущности героини и напоминает о своих приоритетах. Римлянин Тигеллин участвует в разговоре с Иродом и произносит знаменательную фразу:

«HEROD. That seems strange to me. I had thought it was but the Roman philosophers who slew themselves. Is it not true, Tigellinus, that the philosophers at Rome slay themselves?»

TIGELLINUS. There be some who slay themselves, sire. *They are the Stoics. The Stoics are people of no cultivation*» [14, p. 728] (*курсив автора – О. В.*).

Мы намеренно приводим этот диалог в английском варианте, поскольку в наиболее известном переводе К. Бальмонта и Е. Андреевой *стоики* заменены общим «римские философы» (1). Уже в ранних дневниковых записях в Оксфорде появляются упоминания о стоиках. Размышляя над разницей греческой и римской культур, Уайльд писал, что греческим идеалам философствования с любовью и скромного преклонения перед красотой «не было места в узком консервативном образовании тех, кто принадлежал к народу, перепоручившему искусство своим рабам, преобразовавшему его в ремесло и изгнавшему из Рима своего философа» [8, с. 495]. Рим изгнал не одного философа, так, в 41 г. н.э. Клавдий изгнал Сенеку, который позже по приказу Нерона покончил жизнь самоубийством, Нероном были изгнаны стоики Корнут, Гельвидий Приск, по приказу Тита Флавия Домициана начались преследования философа-стоика Эпиктета, и список этот можно продолжать.

Уайльд не был последовательным сторонником чьей бы то ни было философии, хотя у него были свои предпочтения. Со стойками его роднит критичное отношение к ценностям обывательского мира, идея счастья как жизни согласно природе, идея самосовершенствования, принятие воли божества, где и смерть воспринимается как часть божественной воли и проч. Будучи не только художником, но и мыслителем, Уайльд в своих произведениях создает образ философа, именно так он характеризует героя, которого в литературе традиционно называют *герой-денди*: о лорде Горинге («Идеальный муж») драматург заявляет, что «в истории человеческой мысли он первый философ, умеющий хорошо одеваться» [9, т. 1, с. 482]. Горинга и героев-денди других уайльдовских произведений (князя Мараловского, графа Моранцоне, лорда Генри, лорда Дарлингтона, лорда Иллингворта, Алджернона Монкрифа) можно считать философами, у них есть свое учение, мировоззренческие идеи, высказываемые в ходе общения с другими персонажами. В героев-денди во многом отразился идеал, воспеваемый философами-стойками.

В итоговом произведении, «Нравственных письмах Луцилию», Сенека пишет, например, о том, что при любых ударах судьбы опору следует искать в философии, поскольку она учит не противоречить требованиям судьбы, помогает стойко сносить ее превратности, указывает путь, помогает всегда оставаться собой. Как будто прислушавшись к Сенеке, Уайльд представляет героев, одно из главных качеств которых – постоянство. В них нет вульгарной суетливости, они не совершают противоречивых поступков, стремясь руководствоваться духовным опытом и внутренними прозрениями. Герои-денди не столько деятели, сколько созерцатели, и в этом их достоинство, поскольку они не следуют за суетой повседневности и могут объективно оценить складывающиеся обстоятельства.

Стремление героев к созерцательности здравомыслящими людьми оценивается как лень или склонность к безделью. Но, как будто в их защиту, Сенека писал: «Если высокая душа чужда волнений, пренебрегает всем, словно все для нее ничтожно, если ей смешны наши страхи и стремления – значит, ею движет небесная власть. Ничто столь великое не может существовать без поддержки божества. И выходит, что большей своей частью эта душа принадлежит тому миру, откуда снизошла» [6, с. 120]. Жить, по мнению Сенеки, нужно согласно своей природе, и трудности возникают лишь от того, что в обществе каждый толкает другого к пороку. Некоторая отстраненность уайльдовских героев-денди как раз подчеркивает суету и греховность социума.

Создавая образы героев-денди Уайльд обращался не только к опыту древних, в них он представлял и свою философию нереального (2), частью которой было почтительное отношение высшей морали.

Одна из идей стоиков – идея счастья как жизни согласно природе. Так, Эпиктету (3) принадлежит следующее высказывание: «Нельзя быть счастливым, когда желаешь того, что невозможно; и наоборот, можно быть счастливым только в том случае, если желаешь возможного <...>. Кто желает невозможного, тот раб и глупец, восстающий против своего хозяина – Бога» [4, с. 120]. Иллюстрацией к его словам может стать судьба Саломеи, героини одноименной трагедии Уайльда.

В исследовательской литературе образ Саломеи трактуется неоднозначно, и одним из вариантов прочтения может стать взгляд сквозь призму философии стоиков, о которых так пренебрежительно отозвался уже упомянутый нами Тигеллин. Известно, что стоики были моралистами, осуждающими нравы и поступки правителей-современников, неудивительно, что они становились неуютны властям.

Саломея с ее страстным желанием поцеловать Иоканаана, наверняка не нашла бы поддержки у тех, кто писал: «Бывают ли, по-твоему, нравы развратнее, если ни священнойдейство, ни суд – не преграда для похоти, если на чрезвычайном следствии, устроенном по постановлению сената, совершается преступление тяжелее расследуемого?» Или: «Все желания имеют предел, кроме суетного и рожденного похотью: ему предела нет» [6, с. 114]. «Единственное наше благо и зло – в нас самих, в нашей собственной душе. Для каждого из нас благо в том, чтобы жить разумно, а зло в том, чтобы не жить разумно» [4, с. 219]. Саломея оказалась презираемой, и в конце концов казненной, так как была неумеренной, несвободной от своей страсти, по ее вине было совершено страшное преступление – обезглавливание пророка Иоканаана.

Интерес к идеям стоиков в «Саломее» во многом обусловлен рассматриваемой эпохой. Действие трагедии разворачивается в Галилее, правителем которой является тетрарх Ирод Антипа (сын Ирода I), взявший в жены Иродиаду – жену своего брата Филиппа. Рим все сильнее поработал страну, в Иерусалиме возникали народные восстания. Время действия трагедии характеризуется непростой общественно-политической атмосферой, многообразием религиозных учений, бытовавших в ту пору, постоянным ожиданием мессии, чей приход должен изменить жизнь людей к лучшему. Переходная эпоха рубежа тысячелетий была для Уайльда привлекательной темой, писатель находил параллели с эпохой *fin de siècle* в религиозных исканиях, социальных катаклизмах, изменениях господствующих в обществе представлений о научности, художественности и т.д.

Начиная с «Веры», драматург исследует тему перспектив развития современного общества и показывает два пути, по которым могут идти его современники. Первый – рассудочный путь – путь рационализма и безверия («нигилистический» путь) совершенно однозначно ведет человеческую культуру к смерти. Уайльд не был одинок в своем представлении, и, как видим, сходилась во мнении с философами и писателями-современниками. И в первой, и в последней трагедиях Уайльд показывал, что мир, построенный на рассудочных решениях человека, его плотских страстях, ведет к гибели (еще раз вспомним его слова, что подлинным упадком становится победа Жизни над Искусством). В последней трагедии «Саломея» драматург вновь обращает читателя к принципам, выработанным еще античной философией. В своих произведениях Уайльд показывал путь позитивных перемен и связывал их с учениями античных философов, с ориентацией на гуманистические ценности, веру, индивидуализм.

Примечания

(1) ИРОД. Это мне кажется странным. Я думал, что только римские философы убивают себя. Не правда ли, Тигеллин, римские философы убивают себя?

ТИГЕЛЛИН. Некоторые убивают себя, владыка. Это люди очень грубые. И потом, это люди очень смешные. Я их нахожу очень смешными [11, с. 277].

(2) Упоминание термина встречается в письме Эдмону де Гонкуру от 17 декабря 1891 года, где Уайльд упомянул, что интеллектуальной основой его эстетики является философия нереального («philosophie de l'Irréalité»): «Cher Monsieur de Goncourt, Quoique la base intellectuelle de mon esthétique soit la Philosophie de l'Irréalité, ou peut-être à cause de cela, je vous prie de me permettre une petite rectification à vos notes sur la conversation où je vous ai parlé de notre cher et noble poète anglais M. Algernon Swinburne <...>» [16, p. 504] / «Дорогой мсье де Гонкур, хотя интеллектуальной основой моей эстетики является философия нереального, а может быть, именно поэтому, прошу Вас позволить мне внести одно маленькое исправление в ваши заметки о беседе, в ходе которой я рассказал Вам о нашем любимом и благородном английском поэте Алджерноне Суинберне <...>» [10, с. 106].

(3) Эпиктет чрезвычайно ценился одним из преподавателей Уайльда в Оксфорде Мэтью Арнолдом.

Список литературы

1. Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. СПб.: Общественная польза, 1910. 306 с.
2. Валова О. М. Заглавие как формулировка основных проблем в пьесе О. Уайльда «Вера, или Нигилисты» // Вестник Тамбовского университета. Тамбов: ТГУ, 2009. Вып. 7 (75). С. 296-300.
3. Ницше Ф. Воля к власти. М.: REFL-book, 1994. 352 с.
4. Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.: Республика, 1995. 463 с.
5. Савельев К. Н. Литература английского декаданса: истоки, генезис, становление: монография. Магнитогорск: МаГУ, 2007. 344 с.
6. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. М.: Алтейа; Новый Акрополь, 2000. 688 с.
7. Уайльд О. Вера, или Нигилисты. Драма с прологом в четырех действиях // Потерянные пьесы: Беккет, Пазолини, Фриш, Камю, Уайльд. М.: Международное агентство «А.Д.&Т.», 2001. С. 289-353.
8. Уайльд О. Из «Оксфордского дневника» // Уайльд О. Портрет г-на У. Г.: Рассказы. Эссе. Заметки и колонки. Оксфордский дневник / пер. с англ. М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2011. С. 479-533.
9. Уайльд О. Избранные произведения: в 2-х т. / пер. с англ. М.: Республика, 1993. Т. 1. 559 с.; Т. 2. 543 с.
10. Уайльд О. Письма. М.: Аграф, 1997. 416 с.
11. Уайльд О. Пьесы / пер. с англ. и франц. М.: Искусство, 1960. 516 с.
12. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления / авт. предисловия Н. Б. Иванов. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. 216 с.
13. Эпштейн М. De'but de siecle, или От пост- к прото-. Манифест нового века [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2001/5/epsh.html> (дата обращения: 07.07.2014).
14. Collected Works of Oscar Wilde. The Plays, the Poems, the Stories and the Essays Including *De profundis*. L.: Wordsworth Edition Limited, 1997. 1098 p.
15. Sloan A. J. Nietzsche and Wilde: An Ethics of Style // Sewanee Review. 2006. Vol. 114. Issue 3. P. 386-402.
16. The Complete Letters of Oscar Wilde / ed. by M. Holland and R. Hart-Davis. L., 1988. 1270 p.

**BACK TO ANTIQUITY, OR A REMEDY
FOR THE EPOCH *FIN DE SIÈCLE* FROM OSCAR WILDE**

Valova Ol'ga Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Vyatka State University of Humanities
olymihalna@yandex.ru

The end of the XIX century is characterized as a decadent epoch associated with decay, degeneration which, according to Wilde and Nietzsche, is conditioned by the orientation to the material values, prevalence of rational decisions. One of the features of decadence, according to Wilde and Nietzsche, is nihilism. The views of the English writer are obviously similar to the ideas of stoics who suggested a path of self-perfection, following the divine will. In the first tragedy «Vera, or, The Nihilists» Wilde associates the overcoming of nihilistic aspirations with the humanistic values, in the last play, «Salome», he claims it impossible to continue living if it is not rested on the wisdom of the ancient philosophy.

Key words and phrases: decadence; nihilism; Nietzsche; stoics; philosophy of unreal.